

Сорокина Оксана Васильевна, Якимова Надежда Ивановна

ПАРЕМИЯ С КОМПОНЕНТОМ МОДАЛЬНОСТИ В ЧУВАШКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа паремий с компонентом модальности в чувашском и турецком языках, они репрезентируют, как видно из исследования, языковую картину мира данных этносов. Исследование вносит определенный вклад в познание мировидения чувашского и турецкого этносов, позволяет выявить особенности национального мировосприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 182-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

9. Мейендорф И. Ф. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vizantijskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/1 (дата обращения: 02.12.2016).
10. Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XXIX. С. 291-305.
11. Никон (Воробьев), игумен. Письма о духовной жизни / сост., предисл. А. И. Осипова. М.: Благовест, 2015. 576 с.
12. Серафим Глинский (Романцов), схиархимандрит. Письма духовника Глинской пустыни [Электронный ресурс]. URL: http://old.glinskie.ru/biblio/o_starcah/p_gl_st/09.html (дата обращения: 14.11.2016).
13. Смолина А. Н. Духовные письма игумена Никона (Воробьева): особенности тропеической организации // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 326-329.
14. Смолина А. Н. Духовные письма Феофана Затворника: лингвостилистический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 270-275.
15. Смолина А. Н. Речевой жанр совета в духовных письмах русских церковных писателей XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 171-179.
16. Смолина А. Н. Этикет русского духовного письма: теолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 171-176.

SPIRITUAL REQUEST IN THE LETTERS OF RUSSIAN MONASTIC ELDERS OF THE XX CENTURY

Smolina Andzhella Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
angelic2009@mail.ru

The article is dedicated to a request – one of the poorly investigated ecclesiastical style genres. The author focuses on genre content and Hesychasm doctrine which comes out as a basis of spiritual request text. The paper also addresses the problems of authorship, genre audience, specifics of its linguistic arrangement, and representation of theocentricity principle in the Russian monastic elders' requests. Using illustrative material the paper shows that spiritual request is a special genre form which can be considered as a subgenre of request.

Key words and phrases: spiritual letter; spiritual request; etiquette speech genre; monastic elders; theocentricity; Hesychasm.

УДК 398.91(= 512.111)+398.91(= 512.161):[81:408]

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа паремий с компонентом модальности в чувашском и турецком языках, они репрезентируют, как видно из исследования, языковую картину мира данных этносов. Исследование вносит определенный вклад в познание мировидения чувашского и турецкого этносов, позволяет выявить особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова и фразы: паремия; компонент; модальные слова; чувашский язык; турецкий язык; тематический класс; категория наклонения; метафорические термины.

Сорокина Оксана Васильевна, к. филол. н.

Якимова Надежда Ивановна, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
oksanatorokina-chgu@yandex.ru; yakimovanadya@yandex.ru

ПАРЕМИЯ С КОМПОНЕНТОМ МОДАЛЬНОСТИ В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В любом дискурсе что-либо утверждается, сила высказывания определяется, как мы знаем, через аподиктические, проблематические, асерторические суждения [1, с. 277, 404]. Исходя из этого, мы вправе сказать, что модальность в современной логике – это характеристика суждения по «силе» высказываемого в нем утверждения: суждение может быть необходимым, возможным, случайным, невозможным.

Суждения в логике и философии нового времени подразделяются на асерторические (суждения действительности), аподиктические (суждения необходимости) и проблематические (суждения возможности). Алетической называется модальность, относящаяся к высказываниям или предикатам; деонтической – относящаяся к словам, выражающим действия и поступки. В языкознании различают модальность абсолютную (безусловную) и относительную (условную). Такие понятия, как «истинно», «ложно», «доказуемо», «недоказуемо», «опровержимо», в современной модальной логике и логической семантике причисляются к модальности. Вызывает интерес то, как в отдельных языках рассматриваются вопросы, связанные с категорией модальности. Обратимся к турецкому и чувашскому языкам. Например, наклонения, являющиеся ядром категории модальности, относятся в турецком языке к числу мало разработанных проблем. В данном языке модальность выражается аффиксальным путем, лексически, выражениями и высказываниями, в состав которых входят модальные слова [7; 8; 9].

Следует отметить, что М. Р. Федотов в своей работе обозначил модальные слова и указал их значение [6, с. 13-14]. О. В. Сорокина выявила характерные для чувашского этноса модальные слова и конструкции, привела тексты, где указанные лексические единицы ярко и полномерно выступают в своей роли, «встраиваясь

в структуру дискурса, обеспечивают полноценную речевую коммуникацию, сущность которой заключается в том, что пропозициональное содержание высказывания в дискурсивном пространстве отягощено эксплицитной или имплицитной модусной составляющей» [3, с. 3].

Любое предложение содержит в себе указание на отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. Человек способен воспринимать и отражать не только прямые связи между действительностью и своим высказыванием; человеческая мысль способна абстрагироваться, т.е. человек может строить различного рода умопостроения и умозаключения. Например, компонент модальности в пословицах способствует выражению совета, желания, предписания, предложения, сомнения.

Неиссякаемым источником паремий нетерминологического происхождения являются традиции, обычаи, культура, поверья, реалии, предания, былины, исторические факты, они одновременно несут в себе как общечеловеческое, так и специфически национальное.

Обратимся к пословицам. Они репрезентируют собой весьма непростые образования: являясь логическими единицами, содержащими определенные суждения, заключения, представляют художественные миниатюры, в которых в яркой, сжатой форме отражаются факты живой действительности того или иного народа, по этой причине пословичные изречения привлекают к себе внимание лингвистов, философов-логиков и фольклористов.

Своеобразие паремий заключается в том, что они отражают суть минимальных текстов. Указанные особенности проявляются в характере информативности, семиотической структуры и семантической мотивации паремий.

1. Паремии, отражающие традиции и обычаи в турецком языке: *aslan yatağından belli olmalıdır* – «о льве судят по его логову» (говорится как комплимент обладателю хорошего дома) [2, с. 34]; *adı çıkmış dokuza inmez sekize* – посл., «один раз украл, а навек вором стал» [Там же, с. 20]; *sabaha kalan davadan korta* – «не бойся тяжбы, отложенной на утро» (утро вечера мудренее) [Там же, с. 168]; *bu günün işini yarına bırakta* – «сегодняшние дела на завтра не откладывай» (не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня) [Там же, с. 53] – и в чувашском языке: *паянхи сӓмах ырана юлсан та, паянхи еӓ ырана ан юлтӓр* – «даже если сегодняшнее слово останется на завтра, сегодняшнее дело на завтра не оставляй»; *паянхине паян пӓтер, ыранхине ыран ту* – «не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня» (здесь и далее перевод О. Н. Терентьевой) [4, с. 113].

В чувашском языке представляют интерес следующие примеры: *пӓр ӓмартана икӓ хут шурутса ӓеймӓн* – «одно яйцо, два раза почистив, съест нельзя» [Там же, с. 191]. Аффикс *-ей* позволяет нам судить о том, что действие носит оттенок невозможности совершения действия.

Паремии с компонентом модальности, обозначающие объективную действительность, содержат информацию о жизнедеятельности человека в пространстве и времени; так, в турецком языке: *zaman sana uymazsa, sen zamana uy* – «если время тебе не подходит, подстройся под время» [2, с. 222]; *dağdaki kuşun kırkı bir akşeye* – «легко хвастать тем, что далеко» [Там же, с. 223] – или в чувашском языке: *инӓ ӓула тухсан инкек ӓинчен асра тӓт* – «когда отправляешься в путь, не забывай про трудности, которые могут возникнуть на твоём пути» [4, с. 185].

В составе паремий с компонентом модальности, обозначающих движение и передвижение в пространстве, в турецком языке присутствует предлог *kadar*, имеющий пространственное значение.

2. Рассмотрим паремии, связанные с религией в чувашском и турецком языках. Источником большинства примеров с компонентом модальности, относящихся к религии, являются Библия в чувашском языке и Коран – в турецком. Сгусток длительного, уникального исторического опыта отложился в библейской фразеологии и коранизмах. Рассмотрим паремии данной тематической группы в турецком языке: *deveci her görüşen karısını yüksek açmalı* – «тот, кто водится с погонщиком верблюдов, должен держать дверь широко открытой» [2, с. 74]; *İslamın şartı beş altıncısı insaf demişler* – «у ислама пять заповедей, а шестая милосердие» [Там же, с. 124]; *Allah kardeşi kardeş yaratmış kesesini ayrı yaratmış* – «Аллах сотворил братьев, но кошельки им создал отдельные» (дружба дружбой, а денежки врозь) [Там же, с. 28]; *samî ne kadar büyük olsa imat gene bildiğini okur* – «какой бы большой ни была мечеть, имам все равно читает то, что знает» [Там же, с. 55].

В чувашском языке представлены следующие примеры: *тепле тарӓхсан та Турӓпа тавлашас ӓук* – «как бы тяжело ни было, не спорь с богом» [4, с. 45]; *чиркӓ парне юратать* – «церковь любит подарки» [Там же, с. 296]; *Турӓпа Пулӓхрен асли ӓук* – «нет старшие Бога и Пулеги» [Там же, с. 52]; *пуна пуӓӓапиччен пукана пуӓӓап* – «вместо того, чтобы молиться у попа, молись у стула» [Там же, с. 294]; *Турӓ парать те, Турӓ илет* – «бог отдает, бог забирает» [Там же, с. 47].

Компоненты данной тематической группы чаще всего связаны посредством различных предлогов: в турецком языке это *gibi, ki*, а в чувашском – *та, те*.

3. Паремии, основанные на различных видах сходства, связанные с поверьями, где в качестве второго компонента употребляются названия животных, рыб, птиц, насекомых: *otu gelmelisin, köküne bakmalısın* – «и у травы нужно знать корень» [2, с. 160]; *at ile eşek yarışamaz* – «ишаку с лошастью не нужно тягаться» [Там же, с. 36]; *arı bal alacak çiçeği bilmelidir* – «пчела знает, должна знать, с какого цветка брать мёд» [Там же, с. 31]; *ata dost gibi bakma, düşman gibi binmeli* – «ухаживать за конём надо как друг, а ездить на нём как враг» [Там же, с. 36]; *deveyi gütmeli, ya bu diyardan gitmeli* – «или наси этого верблюда, или уходи отсюда» (в чужой монастырь со своим уставом не ходят) [Там же, с. 74]; *at binicisini bilmelidir* – «конь должен знать своего всадника» [Там же, с. 35]; *domuzdan toklu doğmaz* – «от свины сытый не родится» (яблочко от яблоньки недалеко падает) [Там же, с. 78]; *deve ağır gider atma yol alır* – «верблюд идет

медленно, но расстояние преодолевает» [Там же, с. 73]; *balık kavağa çıkınca* – «когда рыба на тополь взберется» (когда рак на горе свистнет), *bal olan yerde sinek de bulunur* – «где мед, там и мухи» [Там же, с. 42]; *sinek küçüktür amma mide bulandırır* – «муха маленькая, а вызывает тошноту» [Там же, с. 174]; *kartal sinek avlanmaz* – «орел на мух не охотится» [Там же, с. 136].

Обратимся к паремиям чувашского языка, где в качестве второго компонента используются такие животные, как петух, рак, волк, сова, орел, конь, журавль, змея, блоха, лев, мышь, муха: *автан çăмарта тусан* – «когда петух яйцо снесет» (когда рак на горе свистнет) [5, с. 33]. *Каишкър пѣр йѣрне чунать теççѣ* – «говорят, волк бегаёт по одной дороге» [4, с. 72]; *тăмана пек тѣклѣ пулăр, амăрт кайăк пек йслă пулăр теççѣ* – «будьте как сова, покрытая перьями, и как орел – умными» [Там же, с. 89]; *лаша çинчен уксе курмасăр юлан утçă пулаймăн* – «не упав с коня, хорошим наездником не станешь» [Там же, с. 80]; *ана пуçне тăрна килнѣ* – «на участок земли пришел журавль» (говорят, когда ребенок, только что обучившийся, во время жатвы выкорчевывает зерно) [5, с. 59]; *йша çĕлен кĕрсе лартăр!* – «пусть в твоё тело засядет змея» (проклинать кого-либо) [Там же, с. 87]; *пѣчĕк пăрçа çыртни те нумайччен кĕçĕтет* – «блоха маленькая, а укусы чешется долго» [4, с. 183]; *арăслан шăшине çапăçмасть* – «лев не воюет с мышью» (большому кораблю – большое плавание) [Там же, с. 64]; *пыл тур çĕре шăнасем хайсемех пыраççĕ* – «где мед, там и мухи» [Там же, с. 405].

Поступки и действия человека, как принято в турецком и чувашском мироощущении, представляются не прямым текстом, а индирективно – через образы животных: *пчела* – умение планировать, *петух* – ждать, *волк* – осмотрительность, осторожность, *конь, змея* – мудрость, *журавль* – обучение, *блоха* – внезапное зло, *лев* – сила. Для этого и используются в указанных языках паремии, так как они имеют индирективный характер.

Как видно из вышеприведенных примеров, конструкции паремий в чувашском и турецком языках основаны на различных видах сходства, реальных или воображаемых. Большинство из них носят антропоцентрический характер, т.е. относятся к человеку или тому, что с ним связано. Эти обороты имеют оценочный характер. Оценки могут быть как отрицательными, так и положительными.

1. Аффиксы модальности *-amaz, -bilir* в турецких паремиях дают возможность говорящему выразить своё отношение по поводу желательного и нежелательного действий. В чувашском языке мы наблюдаем широкое распространение аффикса *-ай*, что придает оттенок невозможности совершения действия, употребление модального слова *теççѣ* позволяет человеческой мысли абстрагироваться и строить различного рода умопостроения, такие как сомнительность и неосуществимость этих действий.

2. Необходимо отметить роль предлогов в составе паремий с компонентом модальности в турецком языке данного класса. Наиболее употребительными являются слова-связки *ama, gibi, (ile)*, числительные, которые указывают на состояние или на характер протекания действия.

3. Имеется значительное количество пословиц с компонентом модальности в турецком и чувашском языках, обозначающих состояние обладания, что связано с присутствием в структурах общеупотребительных глаголов турецкого языка с семантикой обладания: *saklamak, olmak* и глаголов чувашского языка: *тăма, пухма, салатма, сыхлама*.

4. В выделенных примерах с компонентом модальности в чувашском языке главенствует направительный падеж, который обладает пространственным значением. В турецком языке паремии с компонентом модальности связаны союзами *ki, gibi* и выражают характер протекания действия.

Список литературы

1. Розенталь М. М., Юдин П. Ф. Философский словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. 544 с.
2. Сидорина Н. П. Турецко-русский словарь пословиц и поговорок. М.: Толмач, 2006. 352 с.
3. Сорокина О. В. Модальные слова и конструкции в чувашском и турецком языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 27 с.
4. Терентьева О. Н. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 493 с.
5. Федоров Г. И. Толковый словарь фразеологизмов чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 2016. Т. 1. А-С. 271 с.
6. Федотов М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1963. 121 с.
7. Banguoğlu Tahsin. Türkçenin grameri. Ankara, 1998. 628 s.
8. Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Bayrak basımı yayını, 1992. 407 s.
9. Nacieminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar. İstanbul: MEB, 1992. 335 s.

PAROEMIA WITH MODAL COMPONENT IN CHUVASH AND TURKISH

Sorokina Oksana Vasil'evna, Ph. D. in Philology
 Yakimova Nadezhda Ivanovna, Ph. D. in Philology
 I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
 oksanasorokina-chgu@yandex.ru; yakimovanadya@yandex.ru

The paper presents the results of linguistic-culturological and cognitive-discursive analysis of paroemias with modal component in the Chuvash and Turkish languages, they represent, as is evident from the study, the language worldview of these ethnic groups. The study contributes to the cognition of the worldviews of the Chuvash and Turkish ethnic groups, and reveals the peculiarities of the national perception of the world.

Key words and phrases: paroemias; component; modal words; the Chuvash language; the Turkish language; thematic class; category of mood; metaphorical terms.